

В полузабытьи Чжэн Далян вновь вернулась в современность.

Только вот момент для возвращения она выбрала неудачный: не теплое детство и не горько-сладкая юность, а та самая ночь, когда спустя полгода после смерти родителей её задушили насмерть.

Все вокруг твердили, что родители погибли в автокатастрофе из-за утечки тормозной жидкости. Однако она знала — это абсолютно невозможно!

Отец был примерным семьянином и, заботясь о безопасности жены и дочери, перед каждой поездкой тщательно проверял машину. Как он мог не заметить столь серьезную неисправность, как утечка тормозной жидкости?

С того самого дня, как она начала расследование истинных причин смерти родителей, она предчувствовала, что её ждет подобный конец. Но она и представить не могла, что её жизнь отнимет дядя-дворецкий, который нянчил её с пеленок.

— Старшая барышня, не вините меня! Мой сын попал в беду, и они пообещали заплатить, чтобы всё уладить, если я покончу с вами!

Кто эти они? Ей не нужно было уточнять — конечно же, дядья, которые жаждали прибрать к рукам наследство и погубили её родителей. В конечном счете, всё снова упиралось в деньги.

Сквозь туман она услышала, как жена дворецкого, стоявшая на стрёме, торопит:

— Давай быстрее! Мешок... река...

Руки мужчины на её горле сжались ещё сильнее, от удушья в глазах потемнело. Внезапно нос и мозг пронзила острая боль от хлынувшей в легкие речной воды. Она больше не могла терпеть, с силой рванулась, рывком села... и проснулась.

Протерев глаза, Чжэн Далян сквозь бумажное окно увидела первые лучи рассвета — по её прикидкам, было не больше пяти утра.

Она находилась в своей убогой лачуге. Рядом с соломенной кроватью стоял старый деревянный ящик, служивший одновременно шкафом и столом, а на нем — шербатая глиняная миска.

Это была до боли знакомая обстановка комнаты, в которой она оказалась после перемещения в этот мир. Но Чжэн Далян чувствовала: что-то не так. Казалось, она вовсе не должна была здесь находиться... А где же? Вспомнить никак не удавалось.

Пока она пребывала в замешательстве, в ушах отчетливо зазвучал ритмичный стук, а за

дверью раздался нежный голос сестры:

— Далян, уже светает, пора вставать.

Не можешь вспомнить — не надо, решила Чжэн Далян, вздохнула, откинула тонкое одеяло, пахнущее сыростью, похлопала себя по щекам, чтобы взбодриться, и, растянув губы в улыбке, ответила максимально бодрым тоном:

— Встаю, сестрица!

— Хорошо. Завтрак почти готов, умойся и иди есть, одевайся скорее, — голос сестры начал удаляться.

Одежда простого народа в древности была грубой и незамысловатой — главное, чтобы была прочной и легкой, особенно мужская. Обмотав грудь полоской ткани, она надела серую короткую куртку, поверх — льняной халат, застегнула несколько пуговиц-узелков и подпоясалась таким же поясом. Натянула льняные штаны с прямыми штанинами, завязала тесемки. Сунула огрубевшие от работы ноги в соломенные сандалии — готово.

Она пошевелилась, чувствуя неприятное покалывание от грубой ткани на коже. Ладно, в конце концов, это всё равно быстрее и проще, чем тратить час на макияж каждое утро в прошлой жизни, утешила себя Далян и подошла к окну.

На оконной раме висела маленькая дырявая корзинка, к ручке которой было привязано шесть пеньковых веревок. Чжэн Далян пересчитала камешки внутри, подобрала с пола еще один и бросила туда — тринадцать. Тринадцатое число шестого месяца по календарю Чжунцзин. Еще два месяца, и можно будет праздновать годовщину её перемещения.

Она вытащила дверной засов и толкнула тяжелую деревянную дверь. В лицо пахнуло влажным свежим воздухом — день обещал быть хорошим! Размышляя о том, не вынести ли одеяла на солнце, она направилась к калитке из сухих веток.

Усадьба семьи Чжэн была устроена так же, как и у всех в деревне, если не беднее.

Забор из сухих веток ограждал небольшой дворик. В центре стояла соломенная хижина побольше — спальня деда, служившая также столовой, гостиной и местом для почитания предков.

Слева располагались две комнаты: поменьше — спальня Чжэн Далян, привилегия старшего внука, а та, что побольше, была занята сестрой с младшими братом и сестрой.

Справа был сооружен примитивный очаг — кухня. Чуть поодаль от неё находился дровяной склад, который Далян построила в прошлом году, — там аккуратными штабелями были

сложены дрова, основной товар на продажу. Позади каждого строения хранились сельскохозяйственные инструменты.

Спросите про туалет? Увы, таких удобств у нас нет, извольте идти в рощу за задним двором и копать яму самостоятельно.

Дом был предельно аскетичен, а о чем-то большем и говорить не приходилось. В отсталом феодальном обществе не у всех были даже масляные лампы, не говоря уже о приборах для измерения времени. Все жили по наитию и опыту. Современному человеку, привыкшему планировать день до минуты, здесь пришлось бы несладко. Поэтому у двери и стоял тот самый большой деревянный диск, установленный на куче камней.

В центре диска была воткнута идеально ровная палка — солнечные часы, которые Далян сделала сама. В отличие от местных, её часы были точнее: шкала была размечена с интервалом в пять минут. Пока не было облачно, они служили ей единственными часами.

Взглянув на земляные часы — мао ши и кэ, пять пятнадцать утра по-современному, — Чжэн Далян свернула к кухне. Набрала воды из чана во дворе, умылась, прополоскала рот — ледяная колодезная вода мгновенно привела её в чувство. Войдя в кухню, она увидела, как сестра Чжэн Эрнян разливает овощную похлебку по двум большим грубым мискам.

В этой стране обычаи отличались от тех мест, откуда пришла Далян: статус старшего внука был чрезвычайно высок. Независимо от того, каким по счету родился ребенок, он автоматически занимал вторую строчку в семейном реестре, а остальные сестры и младшие братья отодвигались вниз.

Так бывшая Чжэн Данян стала Чжэн Эрнян, а остальные — по порядку. Впрочем, Далян считала, что такая перестановка пошла на пользу и ей, и сестре: ей не пришлось быть восьмой, а сестре — старшей дочерью.

Свежая зелень с неочищенным рисом, капля масла, щепотка соли — и завтрак готов. Из пароварки достали два черных паровых хлебца, из горшка с соленьями — небольшое блюдо маринованных овощей. Чжэн Далян, неся завтрак в комнату деда, невольно усмехнулась.

Действительно, реальность диктует свои правила: когда ты на грани голодной смерти, съешь что угодно, а потом привыкаешь. В прошлой жизни, будучи дочерью богатых родителей, она бы даже не взглянула на такую еду. Да что там, даже домашние животные в обычных семьях не стали бы это есть. А сейчас это был лучший рацион, который могла позволить себе семья Чжэн. Если бы им с дедом не нужно было сегодня идти на работу, наверное, им пришлось бы довольствоваться одной лишь похлебкой, как сестре и младшим.

Дверь в комнату деда была уже открыта. Далян почтительно позвала:

— Дедушка, завтрак готов, можно войти?

— Кхе-кхе, Далян, входи.

Войдя, она увидела, что дед, убрав трубку, медленно встает с кровати. Она поспешила поставить еду на стол и подхватила его под локоть.

Деду Чжэну было шестьдесят три года. В мире, откуда пришла Далян, это глубокий старик, но здесь, где средняя продолжительность жизни теоретически достигала ста пятидесяти лет, он не считался таким уж старым. Однако его худое темное лицо, мутные глаза, глубокие морщины на лбу и согбенная спина делали его похожим на столетнего старца — тяжелая жизнь лишила его сил и подорвала здоровье.

— Ничего, ничего. Далян, ешь скорее, пока горячее. Ты сегодня в город дрова нести или в горы собираешься? — дед мягко похлопал её по предплечью, призывая сесть.

По законам Чжунцин, каждый мужчина-крестьянин по достижении пятнадцати лет получал от властей четыре му земли. Четыре му деда, четыре му Далян — итого восемь му, которые дед возделывал, едва обеспечивали пропитанием пятерых членов семьи. Весь остальной доход зависел от того, сколько дров Далян сможет нарубить в горах. Можно сказать, что Далян заменила немощного деда и стала главной опорой семьи.

— Я видела, что в сарае еще есть место. Сосед Шицяо сегодня идет в горы на охоту, я подумала пойти с ним, притащить пару связок дров, а заодно наловить креветок. Сестра как раз успеет вышить еще один платок, завтра я схожу в город — может, удастся выручить еще несколько медных монет! — бодро и с улыбкой ответила Далян на вопрос деда.

План Далян был очень разумным, но на душе у деда Чжэна было беспокойно:

— Далян... если бы не ты... дедушка... наша семья была бы совсем пропащей. Ты ведь... из богатой семьи... а приходится скрываться и жить с нами в такой нужде... Дедушка не знает, как тебя отблагодарить... Всё это из-за моей никчемности...

— Дедушка! Мы же договорились больше об этом не вспоминать?! — у Чжэн Далян на глаза навернулись слезы. — К тому же, если бы не вы, я... я давно стала бы кормом для рыб.

<http://bllate.org/book/19131/1878905>